

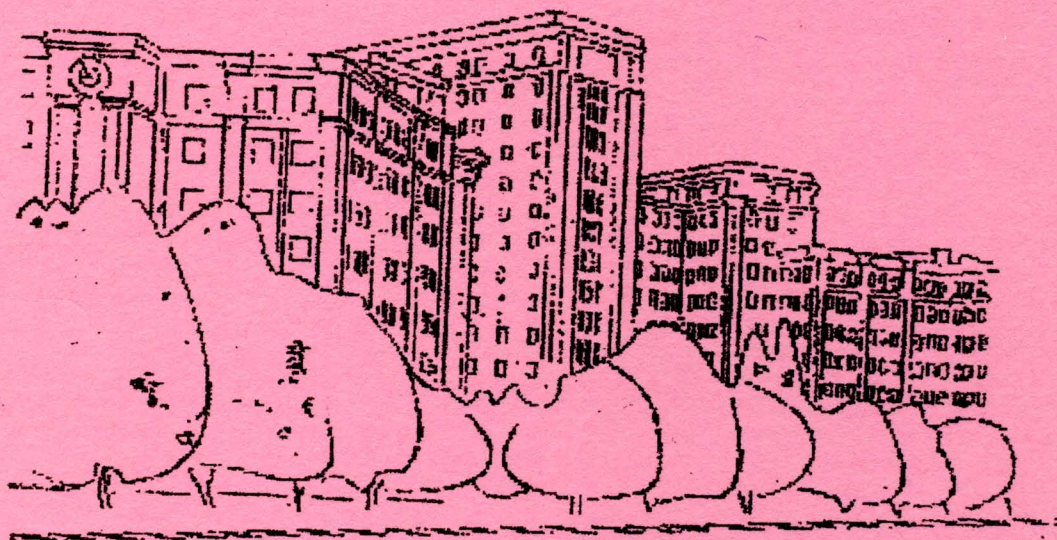
К 200-летию Харьковского университета
Серия воспоминаний о Детях физмата

Выпуск 4-й

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ СТАРОГО ФИЗМАТА

СБОРНИК РАССКАЗОВ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Харьков 2002

К 200-летию Харьковского университета
Серия воспоминаний о Детях физмата

Выпуск 4-й

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ СТАРОГО ФИЗМАТА

III

Харьков 2002

Легенды и были старого физмата. Сборник рассказов. Ч. III. Серия воспоминаний о Детях физмата. Вып. 4 / Агафонова Н.Ф., Бляшенко Г.С., Козинец В.В., Кондратьев Б.В., Николаев Г.Т., Ульянов В.В., Шарапов А.И. – Харьков: ХНУ, 2002. – 20 с.

Книжечка продолжает серию неформальных воспоминаний о Детях физмата, приуроченную к 200-летию Харьковского университета.

Это уже третий сборник коротких историй, которые авторы сочли достаточно интересными и способными послужить еще одной заправкой для дальнейших выпусков с участием других свидетелей былой увлекательной жизни легендарного старого физмата и его питомцев.

Издается по решению кафедры теоретической физики
от 12 октября 2001 года

© Харьковский национальный
университет, 2002

П Р Е Д И С Л О В И Е

Вот уже, уважаемый читатель, ты держишь в руках третью книжечку о жизни Детей старого физмата.

Нужно отметить, что круг авторов нашего сборника существенно расширился, хотя еще совсем недавно было очень трудно получить от людей хотя бы страничку. Правда, и сейчас, когда уже есть прецедент, многие стесняются писать, однако готовы устно изложить какую-нибудь интересную историю.

Уже сложились рубрики "Сессионные приключения" и "Матримониальные истории", а цикл "30 случаев с майором Паракой" постоянно пополняется, причем авторы отмечают, что этот персонаж стал символическим. Истории с его участием чаще всего происходили из-за его необычной фамилии, за которой стоял отзывчивый и добрый реальный человек, часто втянутый в необычные приключения помимо своей воли.

Пришли первые отзывы и замечания от внимательных читателей.

Как уже отмечалось в предыдущем сборнике, одну и ту же историю люди часто воспринимают по-разному, относя ее к разным лицам и временам, либо уточняя некоторые детали.

Один из читателей опознал себя в герое одного безобидного эпизода и даже обвинил автора этого рассказа в якобы неточном изложении фактов, хотя тот автор дважды сделал оговорку, что слышал эту историю от других.

Надо еще и еще раз подчеркнуть, что в данном сборнике помещаются не только документальные были, но и обросшие вымыслами легенды.

Выражаем признательность всем, кто откликнулся и внес вклад в эти сборники. Приглашаем новых авторов к построению словесного памятника славным участникам жизни старого физмата.

Ждем замечаний, уточнений и предложений, которые будут приняты с благодарностью.

В.В.Ульянов

Б.В.Кондратьев

Из цикла "Матримониальные истории"

Как мы поженились

Закончил я физмат ХГУ (ядерное отделение) в декабре 1955 г. по кафедре теоретической ядерной физики. Получил назначение на работу в Сухумский НИИ ("почтовый ящик"). Директор этого института за 2-3 месяца перед описываемыми событиями побывал в Харькове и отобрал себе на работу трех наших выпускников. Все делалось втихую, и с нами никто не разговаривал. Однако денег на переезд НИИ нам не выслал, а в ожидании оных стипендию нам был обязан платить родной ХГУ. Кривец Г.Е. (руководитель ядерного отделения) был этим очень недоволен и предложил найти нам места работы в Харькове. Я не хотел уезжать из города, так как был коренным харьковчанином, и с радостью согласился. Двое нехарьковчан настояли на отправке в Сухуми; им пришлось ждать денег полгода. Они жили в общежитии, и ХГУ все это время платил им стипендию!

Моя судьба решалась в январе 1956 года в кабинете-лаборатории Кривца в физическом корпусе (1-й этаж, правое крыло). Сначала он позвонил кому-то в ИРЭ, но там не взяли трубку. Потом он позвонил в пединститут, там согласились и после недолгих трений меня взяли ассистентом на кафедру высшей математики и механики. Так я перешел из физиков в математики, тем более что Шестопалов В.П. (зав. каф. математики ХГПИ) был однокурсником Ситенко А.Г. (руководителя моей дипломной работой), который рекомендовал меня ему. В пединституте я проработал 3 семестра, а потом (после закрытия физ.-мат. ф-та ХГПИ во время одной из хрущевских перестроек) вернулся в ХГУ, в аспирантуру к тому же Шестопалову В.П.

Связей с физматом ХГУ я никогда не терял - занимался в старом здании ЦНБ, питался в физматовской столовой (ходить домой было далеко в район теперешнего автовокзала).

Была примерно середина апреля 1956 года, накануне я был в кино "Победа" (район Конного рынка), смотрел фильм "Весна на Заречной улице". На следующее утро на перемене захожу в столовую в старом корпусе ХГУ со стороны улицы, а мне навстречу выходит какая-то первокурсница в серо-темнокоричнево-зеленоватом платье, темная шатенка и довольно милостивая; смотрит в упор на меня, улыбается и уплетает за обе щеки коржик-язычок с белой поливкой. Я взялся ее детально рассматривать - меня поразило ее сходство с виденной накануне

киногероиней. Она тоже смотрела на меня, не переставая улыбаться и жевать. (Потом другие люди отрицали ее сходство с киногероиней, но это было уже неважно.)

Следующий раз я ее хорошо рассмотрел на первомайском 1956 г. сборе туристов в Коробовых хуторах, особенно когда мы возвращались в город и распевали туристские песни в тамбуре вагона. Формального знакомства у нас не произошло, но мы уже выделяли друг друга среди прочих студентов и иногда здоровались; так, я даже заметил, что она изменила прическу – сделала короткую завивку “юность мира”. Я уже знал, что эту девочку зовут Нина Лесик. Позже у нас оказались общие знакомые и даже бывали праздники в общих компаниях. Мы ходили в разные годы в туристские походы по Крыму, Кавказу и Карпатам; но почему-то всегда оказывались в разных группах. Еще мне пришлось с ней столкнуться в июне 1957 г.: бедная девочка сдавала Тарапову И.Е. теормех; у нее никак не решалась задача, она сидела на корточках перед ауд. 1-47 и что-то зубрила. На этом экзамене она впервые получила только 4, а не 5.

Когда я был аспирантом у Шестопалова В.П., то иногда во время его отъездов читал за него лекции по электродинамике, а потом помогал принимать экзамены. В частности, так случилось и весной 1958 г., когда Нина попала мне на экзамене и я ее срезал на четверку. Потом она рассказывала, что в это время болела (это была правда) и недостаточно ориентировалась на экзамене (ауд. 1-57), а я не проявил чуткости и проницательности и поступил с ней так жестоко; в общем, мне этот случай не раз ставили в вину. Однако наше знакомство не прерывалось, хотя и не было уж слишком дружным.

После демонстрации 7 ноября 1959 года Рязанов А.Н. и я увидели Нину в толпе и потащили ее гулять по Алексеевке, Ивановке и т. п. Прогулка и беседа оказались такими интересными, что с этого времени мы стали встречаться очень часто; правда дело до поцелуев дошло только в апреле 60-го. В самый решительный день у меня руки были заняты огромной книгой Морса и Фешбаха “Методы теоретической физики”, но Нина не сопротивлялась моему натиску. А гуляли мы по стадиону “Динамо”.

Руководителем ее диплома был Сидоренко Б.Г., он дал ей тему о рассеянии радиоволн на плоской решетке из стержней с потерями. Эта тема была сложной сама по себе, но вдобавок еще нужно было смотреть текст диссертации Смирнова (кажется из

Московского ИРЭ), т. е. следовало съездить в Москву. Я как раз был в ИРЭ в командировке и нашел нужные материалы. Диплом был Ниной подготовлен и успешно защищен; правда я перепутал время защиты и явился в Бекетовскую аудиторию уже после окончания. Сидоренко Б.Г. представленная теория не удовлетворила, и он обратился к Шестопалову В.П.; через некоторое время Марченко В.А., Шестопалов В.П. и др. построили иную, лучшую теорию рассеяния волн на решетках; но все равно, именно Нина занималась на радиофаке ХГУ дифракцией одна из первых.

После окончания ХГУ Нина получила назначение в Подлипки (Подмосковье) на ракетостроительный завод; это и радовало ее, и пугало отъездом из Харькова. Мне тоже было обидно, что такая хорошая многолетняя подруга уедет навсегда. В тот же вечер после получения назначения я попросил ее никуда не уезжать, а срочно выйти за меня замуж; заявление в загс было подано уже наутро. Если бы не было угрозы отъезда Нины, свадьба, наверно, затянулась бы до осени.

Утром перед походом в загс я провел практическое занятие, а когда шел к Нине, у меня оторвалась пуговица на плаще. Невеста тут же продемонстрировала свое мастерство по пришиванию пуговиц. Далее оказалось, что в загсе требуется платить, а денег у меня не было, поэтому девушке и здесь пришлось спасать положение и дать 10 рублей. В общем, невеста сразу показала свою большую жизненную практичность по сравнению с теоретствующим женихом; та же картина продолжалась и в дальнейшем.

Потом происходили путаницы между свадьбой и моими командировками; а затем молодая жена уехала в Крым, оставив меня заниматься с заочниками; к ней я присоединился только через неделю. Осенью нас отправили в колхоз - в разные районы, так что совместная жизнь стабилизировалась только к зиме (при стабильном же дефиците денег, на что мы обращали мало внимания, надеясь на лучшее будущее). В мае 1961 года наше семейство пополнилось сыном Сашей; причем молодая мать почувствовала приближение родов во время сдачи кандидатского минимума по философии (недаром сын потом оказался неплохим философствующим литератором, хоть и закончил кафедру физики МФТИ). Я же во время родов вел практические занятия по матфизике на старом биофаке. На двенадцатом году совместной жизни у нас появилась собственная квартира, а еще через пятилетку - дочка Оля.

Г.Т.Николаев

В е с н а

Я осмелюсь отойти здесь от классических учений,
Для решения вопроса я найду свои пути.

А для ясности суждений мы начнем с обозначений
Наших функций, поведение чье б хотелось нам найти.

Обозначим Ж - желанье, Л - любовь (аргумент время),
М - способность строго мыслить, С - пусть будет тензор сна.
Точка, где у этих функций экстремальное значение,
И ее окрестность тоже, называются Весна.

Остроты любой возможен упомянутый экстремум,
Ширина его зависит от числа прожитых лет,
От того, как часто в прошлом лунный свет входил в систему,
Словом, есть в пороховницах еще порох или нет.

Наполняется система сильным полем возмущенья,
И снимает вырожденье с зимних уровней Весна.
Я надеюсь, после этих очень строгих рассуждений
Суть Весны для всех ученых с очевидностью ясна!

(Это стихотворение вспомнил Б.В.Кондратьев,
утверждающий, что оно сочинено именно
Георгием Трофимовичем Николаевым - выпускником
довоенных лет, известным физиком-экспериментатором
с поэтическим талантом.)

В.В.Козинец

Дерзкое начало

Осенью 1957 года заведующий специализацией физики низких температур Борис Иеремиевич Веркин собрал нас, восьмерых студентов V курса, и оперативно, без дискуссий, распределил по местам будущих дипломных работ.

Двое - Лена Шуцкевер и Денеш Балла (впоследствии Дионисий Дионисиевич) - получили возможность выполнять работу в УФТИ, четверых оставили здесь же, в "большой" комнате, где были установки молодых преподавателей кафедры Вадима Григорьевича Манжеля, Юрия Павловича Благого, Николая Николаевича Багрова и аспирантов.

Сашу Чернышова направили к Якову Евсеевичу Гегузину (в то время еще не имевшему своей кафедры), а меня - к Галине Алексеевне Сиренко, работавшей под руководством Владимира Игнатьевича Хоткевича.

Комнатка на 2-м этаже старого корпуса, где мне предстояло приобщиться к большой науке, была довольно тесной, в ней находились самодельная рентгеновская установка, принадлежавшая Галине Алексеевне, и еще какие-то приборы, состоявшие из небольшого количества примитивных приспособлений и устройств. При них лаборантом состоял молодой специалист Боря Мерисов, ныне профессор, доктор наук, а самих хозяев возле установок я так никогда и не увидел.

Одним из этих "хозяев" оказался Виталий Александрович Перваков, для которого Хоткевич выхлопотал пропуск в УФТИ, где экспериментальные возможности были намного лучше университетских, в том числе криогенные жидкости - водород и гелий.

Из этой лаборатории еще одна дверь вела в другую, почти пустую, комнатку, которую все называли "кабинет

Синельникова". Сам академик Кирилл Дмитриевич Синельников, директор УФТИ, к тому времени, кажется, уже даже формально не заведовал кафедрой экспериментальной физики, в состав которой и входила наша специализация. В "своем" кабинете К.Д. уже давно не бывал, не видел я в нем и Хоткевича, моего официального руководителя дипломной работы.

Примерно через неделю-две после знакомства с местом работы меня оставили в лаборатории одного, чтобы я дождался охлаждения диффузионного насоса, закрыл воду и выключил рубильник.

Был поздний вечер, в здании почти никого не осталось. Вдруг в "кабинете" раздался звонок. Я взял трубку, сказал обычное "Алло". После длинной паузы глуховатый голос тихо спросил:

- Кто это?

Обидевшись, что мне не сказали "Добрый вечер", я ответил:

- А это кто?

На что услышал:

- Хоткевич.

Я сказал:

- А это Козинец, - и тут же услышал короткие гудки.

Несколько дней после этого случая я вообще не приходил в лабораторию, а когда зашел туда, наткнулся на фигуру "самого" Хоткевича. Он тихо и как-то вяло сказал мне несколько фраз, из которых я запомнил последнюю: "Если так будет и дальше, мы с Вами расстанемся и я как-нибудь это переживу". Дальше, по-видимому, было не так, и после защиты дипломной работы, по рекомендации Г.А.Сиренко, Хоткевич оставил меня на кафедре, за что я им обоим буду всегда благодарен.

В.В.Козинец

Из цикла "Сессионные приключения"

Крылатая фраза

В 50-е годы, когда я был студентом, на военной кафедре учеба продолжалась целых четыре года, плюс два лагерных сбора по месяцу каждый после 4-го и 5-го курсов. Преподаватели кафедры, сплошь подполковники и полковники, прошли фронты Великой Отечественной войны и на нас, юнцов, смотрели весьма строго.

Был у нас на курсе Коля Г. Приехал он в университет из Алтайского края, был старше большинства из нас, так как проработал несколько лет на железной дороге стрелочником. Своим стажем и, особенно, местом работы он очень гордился. Учеба на физмате давалась ему с трудом, но все же он упорно "тянул" на тройках до конца.

После 4-го курса на военной кафедре полагалось сдать несколько госэкзаменов высокой Комиссии во главе с генералом Борисовым. Больше всего мы боялись экзамена по Уставам (этих уставов было несколько): нужно было знать практически наизусть множество положений. Да и члены Комиссии в этих уставах были большие доки.

Коля Г. отвечал, по обыкновению, невнятно, что-то мямлил и явно "валил" экзамен. Кто-то из экзаменаторов его прервал и попросил конкретно ответить, как следует поступать в таком-то случае. Коля ответил фразой, которая у нас на курсе стала крылатой: "Не знаю, как тут у вас, а вот у нас на железной дороге..." Даже суровая Комиссия развеселилась и поставила ему заслуженную тройку.

В.В.Козинец

Ильич

Этот случай произошел в физматовском общежитии, которое в том, 1957 году, занимало верхние этажи 12-го корпуса нового здания ХГУ. Нас, восьмерых пятикурсников, поселили в большой комнате на 6-м этаже. Вскоре один из этой восьмерки женился и освободил койку, которая недели две-три служила своеобразной свалкой.

Однажды, вернувшись после лекций, мы увидели, что койка аккуратно заправлена, а в тумбочке появились чьи-то вещи. Поздно вечером пришел и новый жилец – небольшого роста темноволосый молодой человек. Не говоря ни слова, он разделся и лег спать. Утром, когда мы уходили на первую пару, он еще спал, а вечером ситуация повторилась.

Прошло несколько дней, а мы еще не слышали от новичка ни одного слова. Решив, что это какой-то иностранец, мы его не трогали. Но однажды Кирилл Д. заметил на его тумбочке конверт с ереванским адресом. Вечером, после прихода незнакомца, Кирилл подсел к нему на койку, обнял за плечи и тихо спросил:

– Товарищ армянин, как Вас зовут?

Тот коротко и тоже тихо ответил:

– Ильич.

Дальше состоялся примерно такой диалог.

Кирилл:

– Нет, я спрашиваю Ваше имя.

Незнакомец:

– Ильич.

К:

– Это отчество, а имя какое?

Н:

– Ильич.

К:

– Вы Ильич, потому что Вашего папашу звали Илья.

Н (громко):

– Моего папашу зовут Ованес (или Вартан, точно не помню), а меня зовут Иллльич.

Оказалось, что в честь Ленина его действительно называли Ильичом. Этот Ильич оказался очень приятным и веселым парнем. Он только что окончил мехмат Ереванского университета и приехал поступать в аспирантуру ХГУ. До этого он все время жил в Армении и вначале просто стеснялся своего сильного акцента.

В.В.Козинец

Китайский секрет

Приближалась очередная зима, а у меня, студента III курса, совсем не было шапки – старая пришла в полную негодность. В то время (1955 год) товаров в магазинах имелось совсем мало и качество их было неважным. Перспективы казались самыми мрачными.

Но однажды мне повезло: зайдя случайно в центральный универмаг, я увидел небольшую очередь и узнал, что “выбросили” китайские шапки (в то время любой импорт был в диковинку). Шапки оказались, на мой непритязательный вкус, отличного качества (мех серого кролика) и доступны по цене. Размер на шапке почему-то указан не был, на кортонной бирке красовались иероглифы и одно понятное слово “Дружба”.

В первый же день практического использования обновки я заметил, что шапка маловата: на лбу у меня красовалась заметная вмятина. Я решил, что мой 58-й размер превышает китайские стандарты и смирился с неудобством.

Однако мой сокурсник и земляк Женя Сенько предложил свою помощь. У него голова была аж 60-го размера, так что за день-два он намеревался растянуть шапку до нужной кондиции. Шапка поддавалась очень плохо, рубец на лбу бедного Жени был багрово-фиолетовым, но он мужественно выполнил обещание и вернул мне шапку почти нужного размера.

Я проносил шапку почти всю зиму, но однажды в конце зимы случилась сильная метель и я решил опустить “уши” у шапки. И здесь меня ожидало шокирующее открытие. Хитрые китайцы спрятали за отворотом шапки шелковый шнурок, с помощью которого можно было регулировать размер шапки в довольно широких пределах. Жене я о своем “открытии” так и не признался, а теперь уже никогда не смогу этого сделать.

В.В.Ульянов

Из цикла "К портретам деканов физмата"

Ф А Л Ь К О

Большую роль в моей судьбе сыграл Игорь Иванович Фалько. Его живой, импульсивный, веселый нрав всегда действовал на меня побуждающе. Оптимист по натуре, он индуцировал активность в других. По крайней мере, на меня он всегда оказывал именно такое воздействие.

Познакомились мы с ним, когда он поступил в аспирантуру к Илье Михайловичу Лифшицу и попросил у меня программу кандидатского теорминимума. Игорь (Иванович) был чрезвычайно общительным. С первой же встречи он держал себя так, словно мы были близко с ним знакомы.

После стажировки в Штатах у Джона Бардина и защиты кандидатской диссертации он работал у В.И.Хоткевича на кафедре экспериментальной физики во главе группы теоретиков, куда входили А.М.Ермолаев, В.И.Хохлов, А.Д.Сердюк, а позднее и аспирант Игоря Ивановича В.М.Гвоздиков.

В 1973 году Игорь Иванович стал заведующим кафедрой теоретической физики и одновременно деканом физфака. Ожидалось, что, став начальником, он постарается что-то сделать для своей кафедры. Обычно высокие чиновники стремились использовать свое служебное положение. Так, при каждом новом ректоре начинал "процветать" соответствующий факультет. Но не таков был Игорь Иванович. Он, видимо, считал это нечестной игрой и никогда свою подопечную кафедру не ставил в привилегированное положение. Даже старался везде помещать ее, т. е. как бы себя, на последнее место. Это было благородно. Мы это ценили, хотя и сожалели.

Игорь Иванович чем-то не угодил высоким университетским чинам, и его сняли с должности декана в 1977 году, а в 1979

году – и с заведывания кафедрой. В весеннем семестре 77-го года мне выпало заменять Игоря Ивановича на посту заведующего кафедрой, когда он ушел на стажировку. Для меня это была полезная школа подготовки к будущей самостоятельной работе в этом качестве.

Обидно было слышать потом со стороны некоторых лиц жалобы на Игоря Ивановича, поскольку мне довелось наблюдать его в деле, когда он начинал работать деканом. Все вопросы он решал быстро, оперативно, четко. Мгновенно реагировал на обращения и просьбы. Был хорошо знаком и с разного рода начальниками, и с людьми вне университета. Казалось, он создан для подобной руководящей работы, будучи любимцем начальства. Все делалось им радостно, с неизменной дружеской улыбкой. Его любили студенты. Успешно защищались его аспиранты. Вот-вот он должен был защитить докторскую диссертацию.

Какая-то драма стояла за событиями, развернувшимися впоследствии. Начались гонения на Игоря Ивановича. Он вдруг стал неуютен. Мы не знали причин и деталей, но тяжело было видеть, как съедают талантливого руководителя, кому-то в чем-то не угодившего и гордо ушедшего после этого из университета.

В моей памяти он остался яркой личностью. Его обаяние производило на многих неизгладимое впечатление. При нем на нашей кафедре начали складываться новые взаимоотношения. Мы всегда в нем видели коллегу и товарища, а не начальника.

Он самоотверженно спасал своего тестя Л.С.Палатника во время тяжелой болезни последнего. Встречи с Игорем Ивановичем всегда доставляли мне радость.

(Сокращенный вариант фрагмента

“Воспоминаний физика-теоретика”.)

Н.Ф.Агафонова

Как я случайно увидела вождя

Это было летом 1950 года (конец июля или начало августа). Вместе с родителями я возвращалась домой после путешествия по Кавказу. Наш поезд шел по расписанию. И вдруг на станции Амвросиевка (Донбасс) непредвиденная остановка. Засуетилась проводница, бегает по вагону, кричит: "Стоять будем шесть часов, закройте окна, не высывайтесь, задерните шторы!" Сначала все встревожились: подумали, что где-то недалеко авария. Но потом успокоились, стали ждать. Прошло чуть больше часа.

Вдруг промчался паровозик с очень аккуратным вагончиком. Знатки сразу определили: идет "Правительственный". Большинство высыпало на перрон (наш поезд стоял на 3-м пути от перрона), а мы остались в вагоне.

Вскоре послышался шум приближающегося поезда. Конечно, он не останавливался, но шел не на полной скорости, как бы проплывая мимо нас по 2-му пути. Расстояние между поездами - минимальное, было хорошо все видно.

В первых вагонах я заметила людей в военной форме, потом запомнилось полное лицо с белым колпаком на голове: вероятно, повар из вагона-ресторана.

И вот у открытого окна - человек невысокого роста. Живой Сталин в раме окна, как на портрете! Хорошо было видно лицо со следами оспы, которой, как мама мне позже объяснила, Сталин болел в детстве.

Выражение его лица было спокойным, невозмутимым, хотя вокруг все кричали "Ура!"

Одет он был в скромный френч темного цвета, без орденов и знаков различия. И еще: я с удивлением заметила, что Сталин седой. На тех портретах, что я видела, его волосы были черными. Впервые изображения седого Сталина мне встретились поздней осенью 1950 года.

Когда мы приехали в Харьков, знакомые железнодорожники рассказали отцу, что движение на участках пути следования "Правительственного" останавливалось на 6 часов, а в Харькове Сталин сделал краткую остановку, осмотрел новый вокзал, который ему не понравился:

- Пышно, дорого и некрасиво, - сказал вождь.

А.И.Шарапов

ДИФРАКЦИЯ

Вспомнил я одну историю, связанную с замечательным человеком - Александром Ильичем Ахиезером. Он был для меня преподавателем, учителем.

Мы слушали его лекции по электродинамике, а позже мне довелось вести за ним решение задач, и я посещал его лекции с удовольствием. Для меня это были открытия не только в области науки, но прежде всего в смысле изложения материала.

Помнится лекция, которая была посвящена дифракции. Александр Ильич вошел, как всегда, бодро, взошел на кафедру и говорит:

- Сегодня я прочту вам лекцию о дифракции. Вы меня видите?

Мы кричим:

- Да!

- А слышите?

Студенты отвечают:

- Да!

- А теперь? - Александр Ильич присел за трибуной, и его не стало видно. - А теперь вы меня видите?

- Нет!

- А слышите?

- Да!

- Вот это и есть дифракция.

Подобного изложения по ясности мне не приходилось слышать.

Ультракороткие истории

*Серьезный человек радуется,
когда ему удастся хоть раз
посмеяться от чистого сердца.*

А.Эйнштейн

Н.Ф.Агафонова

Сдача лабораторных работ. Студент отвечает на вопросы доцента Надежды Алексеевны Носуленко. Говорит он очень неуверенно, сбивается, пытаюсь объяснить формулу:

- Лямбда - это длина волны, ... лямбда зависит ..., ... она изменяется, ... вот она снова будет ... зависеть от ...

Носуленко взрывается:

- Да лямбде наплевать!

* * *

Из баек, рассказанных в театральные курилках Борис Ливанов, по свидетельству хранителя мхатовской истории Владлена Давыдова, постоянно подшучивал над другим великим мхатовцем - Владимиром Белокуровым. Тот был человек, к юмору не склонный, и однажды повесил на дверь своей гримуборной медную табличку с полным титулом: "Народный артист СССР, лауреат Государственной премии, профессор Владимир Вячеславович Белокуров".

Ливанов, улучив момент, прилепил под ней листок с надписью:

"Ежедневный прием - от 500 до 700 граммов!"

(Из газеты "Вечерний Харьков", 2001 год.)

Краткие сведения об авторах этой и предыдущих частей сборника "Легенды и были старого физмата"

Агафонова Нина Филипповна - выпускница 1968 года, работает на кафедре экспериментальной физики.

Бляшенко Глеб Степанович - выпускник 1957 года, работает на кафедре экспериментальной физики.

Гапон Эльвира Васильевна - выпускница 1961 года, работает на кафедре экспериментальной физики.

Дзюба Александр Сергеевич - выпускник 1957 года, работал на кафедре физики кристаллов.

Иванов Иван Георгиевич - выпускник 1957 года, работает на кафедре физики твердого тела.

Козинец Владимир Васильевич - выпускник 1958 года, работает на кафедре физики низких температур.

Кондратьев Борис Викторович - выпускник 1955 года, работает на кафедре высшей математики.

Мерисов Борис Александрович - поступил на физмат в 1950 году, работает на кафедре физики низких температур.

Николаев Георгий Трофимович - предвоенный выпускник Ростовского университета, работал в УФТИ.

Перваков Виталий Александрович - выпускник 1952 года, работал на кафедре физики низких температур.

Сизова Зинаида Ивановна - выпускница 1956 года, работает на кафедре общей физики.

Ульянов Владимир Владимирович - выпускник 1957 года, работает на кафедре теоретической физики.

Хижковый Василий Петрович - выпускник 1961 года, работает на кафедре экспериментальной физики.

Шарапов Анатолий Иванович - выпускник 1957 года, работает на кафедре экспериментальной физики.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
Б.В.Кондратьев. Из цикла "Матримониальные истории"	4
Г.Т.Николаев. Весна.	7
В.В.Козинец. Дерзкое начало.	8
В.В.Козинец. Из цикла "Сессионные приключения"	10
В.В.Козинец. Ильич	11
В.В.Козинец. Китайский секрет.	12
В.В.Ульянов. Фалько. Из цикла "К портретам деканов".	13
Н.Ф.Агафонова. О встрече с вождем.	15
А.И.Шарапов. Дифракция	16
Г.С.Бляшенко. Из цикла "30 случаев с майором Паракой".	17
Ультракороткие истории	18
Краткие сведения об авторах.	19

Ювілейне видання

Ніна Пилипівна Агафонова
Гліб Степанович Бляшенко
Володимир Васильович Козинець
Борис Вікторович Кондратьєв
Георгій Трохимович Ніколаєв
Володимир Володимирович Ульянов
Анатолій Іванович Шарапов

ЛЕГЕНДИ ТА БУВАЛЬЩИНИ СТАРОГО ФІЗМАТУ
ЗБІРКА РОЗПОВІДЕЙ
Частина третя

Відповідальний за випуск Г.І.Рашба

Підп. до друку   Формат 60x84 1/16. Папір офсетний
Друк ризографічний. Ум. друк. арк.   Обл.-вид. арк.
Тираж 25 прим.   Ціна договірна

ХНУ, 61077 Харків, пл. Свободи, 4.
Видавничий центр

